

А. Е. ПУЗДРОВСКИЙ О САРМАТАХ В КРЫМУ

Продвижение носителей прохоровской культуры на запад привело к значительным изменениям на этнополитической карте Северного Причерноморья. В последние века до н. э. - первые века н. э. многочисленные племена кочевников евразийских степей были известны в указанном регионе под различными названиями (языги, роксоланы, аорсы, сираки, аланы). Вслед за античными авторами они получили в науке обобщенное наименование - сарматы.

Крымский полуостров не мог быть изолирован от перемещений населения в причерноморских степях. Более того, на его территории сформировалась культура Боспора - синтез нескольких этнических компонентов, а также позднескифское объединение.

Наиболее раннее присутствие новой волны кочевников в Северном Причерноморье связывается некоторыми исследователями с сарматским опустошением Скифии в конце первой трети III в. до н. э. (1, с. 32; 2, с. 361). Разгрому подверглись многие поселения херсонесской хоры в Северо-Западном и Юго-Западном Крыму (2, с. 362), сельские пункты на европейской части Боспора (3, с. 42-43). В это же время замирает жизнь на скифских памятниках предгорной группы, о чем свидетельствуют материалы нижних горизонтов городищ Керменчик, Кермен-Кыр, Вишенное, Змеиное, Булганакское и др. А. Н. Щеглов и Ю. Г. Виногорадов полагают, что виновниками опустошения херсонесских владений могли быть как сарматы, так и теснимые ими скифы (2, с. 362).

Анализ политической и археологической ситуации склоняет в пользу характеристики вышеуказанных событий как грабительских походов сармат, без занятия территории, т. к. со второй трети III в. до н. э. до рубежа III-II вв. до н. э. днепро-донские степи находились в запустении (4, с. 36-43), что было вызвано и изменением климатических условий (5, с. 28-29).

Возрождение жизни на позднескифских памятниках предгорной группы относится к концу III - началу II в. до н. э. и связано с седентаризацией и консолидацией скифских племен (1, с. 33). Параллельно с этим усиливается экспансия Скифского царства в Северо-Западный Крым, осуществляется захват земель сельскохозяйственной территории (6, с. 131).

В 179 г. до н. э. был подписан мирный договор припонтийских государств и правителей, в число которых вошли Херсонес и сарматский царь Гатал (Polyb, XXXI, 6). Выполнение сарматами своего союзнического долга по отношению к Херсонесу нашло отражение в легенде об Амаге (Pol, VIII, 56) и привело к некоторой стабилизации обстановки в Северо-Западном Крыму (6, с. 131).

Помещение "сарматов Амаги" к западу от Перекопского перешейка и датировка событий III в. до н. э. (6, с. 128) вызывает ряд возражений, так как сарматские памятники появляются здесь не ранее рубежа II-I вв. до н. э. В это время хоры Херсонеса уже не существовало, а скифо-сарматские взаимоотношения строились на другой основе. Возможен еще один вариант размещения "сарматов Амаги" - на Азиатском Боспоре, неподалеку от дислокации основных сил царя Гатала (7, с. 122-123).

Из текста Полиена перед нами довольно четко вырисовывается объект нападения сарматов - скифская царская ставка. Внутри крепости располагался дворец, где в момент нападения находились царь скифов и его приближенные. Среди известных в настоящее время крымских городищ на роль царской ставки в начале II

в. до н. э. могут претендовать два - Кермен-Кыр и Керменчик (Неаполь). Ряд соображений заставляет склониться в пользу последнего.

В опубликованных недавно материалах раскопок строительного комплекса на главной городской площади Неаполя Скифского (8, с. 89, рис. 4-7) выделяется хронологический пласт находок конца III - первой четверти II в. до н. э., попавших в слой пожара конца II в. до н. э. Анализ керамических клейм на таре родоского производства, а также стратиграфические наблюдения привели нас к мысли о двух пожарах на Неаполе Скифском во II в. до н. э. Вполне вероятно, что разрушение построек первого строительного периода явилось результатом нападения сарматов в конце первой четверти II в. до н. э. Таким образом, рассказ об Амаге отражает события, очень близкие по времени к заключению договора 179 г. до н. э. припонтийскими государствами (9, с. 31-32; 10, с. 72; 11, с. 56).

Этногеография северопричерноморских степей претерпевает значительные изменения в конце II - первой половине I в. до н. э., что связано с дальнейшим продвижением сарматских племен на запад, а также с бурными событиями Митридатовых войн. Декрет в честь Диофанта (IOSPE, 12, 352) и Страбон (VII, 3, 17) называют союзников скифов в борьбе с херсонесско-понтийскими войсками - роксоланов ("рев-синалов"). Кочевья роксоланов располагались, согласно Страбону, к востоку от низовий Днепра (по направлению к Дону), включая степи у Перекопа, Сиваша и Азовского моря (Strabo, II, 5, 7). На указанной территории в последнее время исследовано значительное количество сарматских погребений II-I в. до н. э., принадлежащих, как считает А. В. Симоненко, историческим роксоланам (12, с. 27-28). Д. А. Мачинский полагает, что роксоланы были передовой группой аланского этнического массива и связаны по своему происхождению с массагетским миром кочевников, а не с сарматами (13, с. 127).

Для рассматриваемого времени в источниках есть сведения о сатархах, помещаемых в Крымском Присивашье (Pom. Mela, 11, 14) и Северо-Западном Крыму. Плиний Старший называет их среди сарматских племен, перешедших Танаис и вторгшихся в Скифию (Plin, NH, VI, 22). В вопросе этнической атрибуции сатархов у исследователей нет единства (14, с. 131-133). Ю. М. Десятчиков связывает этот народ с тохарами (юечжами) и выводит их название от североиранских корней - "сильные", "господствующие", "царские" (14, с. 142-143).

Сатархи фигурируют в посвящении Посидея Ахиллу, владыке острова Левки, по случаю одержанной над ними победы (IOSPE, 1, 672), из чего следует, что они были известны прежде всего как морские разбойники.

Сатархи, как предполагает А. А. Масленников, совершали грабительские набеги вдоль азовского побережья Восточного Крыма (15, с. 72). Возможно, именно над ними одержал победу полководец Митридата VI Неоптолем в морском и конном боях (Strabo, VII, 3, 18).

Памятники раннесарматской культуры в Крыму известны не ранее конца II - начала I в. до н. э. Это обычно впускные захоронения в курганы, а также вторично использованные погребальные сооружения (склепы, катакомбы и др.). Известно также несколько продольно-осевых катакомб II типа (по К. Ф. Смирнову) с инвентарем сарматского облика (16, с. 20, 102, табл. XXIII; 17, с. 35). В мужских захоронениях этого периода часто встречаются портупейно-поясные наборы, оружие (копья, мечи, стрелы), конская узда, фибулы среднелатенской схемы. В женских - веретенообразные флаконы, зеркала прохоровского типа, бронзовые браслеты, бусы из полхромного стекла, мелкие золотые украшения.

Наиболее ярким памятником рассматриваемого периода является мавзолей Неаполя Скифского, сооруженный во II в. до н. э. Превращение его в боевую башню и возможное ограбление (18, с. 85-87) указывает на вторичное использование усыпальницы для захоронений представителей знатного сарматского рода, начиная с рубежа II-I вв. до н. э., о чем свидетельствует анализ обряда и инвентаря.

Наличие в погребениях предметов западного происхождения отражает контакты с кельтами, бастарнами (19, с. 127). Многие украшения и произведения искусства, найденные в мавзолее, в т. ч. и деревянный саркофаг "царицы" (20, с. 25-30, табл. VIII, IX) связаны с традициями эллинистического Востока и Боспора. К середине I в. н. э. значение сарматского рода, судя по скромности захоронений, ослабевает.

В бурную эпоху Митридатых войн на Боспоре оказалось значительное количество воинских контингентов сармат, привлеченных для борьбы с Римом. Их отдельные отряды использовал при захвате Феодосии и Пантикапея Фарнак перед битвой с Асандром (App. Mithr, 120). Асандр, придя к власти, развернул активную деятельность по укреплению западных и восточных границ государства (21, с. 57). Для этой цели он использовал военных поселенцев, среди которых было немало выходцев из сарматских племен (15, с. 74).

С правления Аспурга на Боспоре начинается новая династия, тесно связанная с сарматским племенным миром. Аспург действовал в русле римской политики, ему была поручена охрана границ Боспора и Херсонеса (IOSPE, 12, 573), за что он, вероятно, получал денежные субсидии для содержания наемной армии. В период с 15/16 по 22/23 г. н. э. Аспург совершил крупномасштабную военную операцию в глубь Таврики (22, №№ 39, 40). Среди покоренных им народов названы скифы и тавры. С этими событиями можно связать усиление оборонительных сооружений Неаполя Скифского в начале I в. н. э., а также пожары в городе и на пригороде (23, с. 187). По пути к Неаполю Аспург, вероятно, захватил и другие скифские крепости Центрального и Юго-Восточного Крыма.

Аспург опирался в проведении своей внешней политики на военные контингенты сармат, что не удивительно, если учитывать его родственные связи с варварской знатью Азиатского Боспора (24, с. 65-78; 25, с. 162-164). Первым из боспорских царей Аспург стал применять личную тамгу, известную на монетах, кирпичах и сосудах (26, с. 12-13; 27, с. 99-101; 28, с. 97-99).

Римско-боспорская война (Tac. Agh., XII, 15-21; Plin. NH, VI, 16) вовлекла в конфликт многие племенные группировки Северного Причерноморья. Для подавления движения сторонников Митридата Котис и Г. Юлий Аквила использовали аорсов, кочевья которых располагались в это время между Доном и Днепром. Для участия в военных действиях аорсы должны были пройти через Перекоп и Степной Крым (13, с. 129-132).

Остается неизвестным, какую позицию в римско-боспорской войне занимали крымские скифы. Косвенным подтверждением их участия в событиях середины I в. н. э. является находка в Неаполе Скифском серебряной тарелки - собственности царицы Гипеирии (29, с. 101-113). Возможно, это свидетельство стремления создать антиримскую коалицию из варварских племен накануне войны. Следы пожаров и разрушений середины I в. н. э. на прибрежных поселениях в Западном Крыму, в таком случае, могут быть связаны с превентивным ударом римских войск, возвращавшихся морем вдоль побережья (30, с. 62) и конницы аорсов.

В 50-60 гг. I в. н. э. на политическую арену выходит аланский союз племен, продвинувшийся в Северное Причерноморье из закаспийских степей (13, с. 127,

132) и Средней Азии (31, с. 204-211). Близким временем датируется богатое женское захоронение в Ногайчинском кургане близ Нижнегорска (32, с. 75-77), имеющее аналогии на Дону (Хохлач, Кобяково, Южном Буге (Соколова Могила) и в Тилля-тепе.

О набегах алан к дунайским границам в середине I в. н. э. сообщает Сенека (Thyestes, 629-630). Вполне вероятно их участие в рейде в Подунавье, где они столкнулись с римскими войсками во главе с Т. Плавтием Сильваном (CIL, XIV, 3608). Аланы становятся мощной ударной силой, которая привела к очередным подвижкам населения в северопричерноморских степях (33, с. 75-78; 34, с. 232-233). Не исключено, что аланы, в союзе со скифами (IOSPE, 12, 369) и сарматами (сираками?), предприняли осаду Херсонеса, на помощь которому пришел все тот же Плавтий Сильван. Оценка этих событий и их последствий для Таврики далеко не однозначна среди исследователей, тем более что переводы интересующего нас отрывка из документа (CIL, XIV, 3608) содержат разночтения (34, с. 231; 35, с. 20; 36, с. 48).

Во второй половине I в. н. э. происходит смена погребального обряда в некрополе Неаполя Скифского. Почти прекращаются захоронения в грунтовых склепах, получают распространение подбойные могилы. В Юго-Западном Крыму фиксируется приток нового населения, оставившего могильники в долинах рек Альмы, Бодрака, Качи, Бельбека. Разнообразие типов погребальных сооружений (подбойные могилы, простые грунтовые, могилы с заплечиками, плитовые) свидетельствуют о сложном этносоциальном составе жителей этого района. Это было обусловлено проникновением различных группировок сарматских племен, а также ассимиляцией местного населения.

В погребениях Неаполя и могильников Юго-Западного Крыма часто прослеживаются черты сармато-меотского погребального обряда: связывание и перекрещивание ног умерших, помещение покойников на подстилку, заворачивание в кошму, использование для погребения гробовищ, колод, посыпка дна могилы мелом, употребление символов огня (реальгар, сера, смола, отщепы кремня, древесный уголь), расшивка одежды и обуви бисером и мелкими бусами, обилие амулетов-оберегов, обычай помещать напутственную мясную пищу вместе с ножом и миской, находки наконечников стрел архаических типов, подмазка дна могил глиной, помещение одного сосуда в другой, обычай ношения гривен и браслетов с нанизанными на них бусами, продевание сквозь фибулы колец, положение у ног взрослых младенцев, обрядовое разбитие зеркал, сопровождающие конские захоронения. Безусловно, не следует рассматривать каждую из этих черт отдельно, в качестве этнического индикатора, однако их различное сочетание в комплексе с характерными вещами погребального инвентаря может служить ориентиром для атрибуции погребений.

В I в. н. э. прекращают функционировать могильники "зубовско-воздвиженского" типа на Правобережье Кубани и в Восточном Приазовье, принадлежащие сиракскому союзу племен. Последних Плиний помещает на Ахилловом Дроме (Plin, NH, IV, 83). Все это подтверждает тезис о миграциях сираков как на север - в Подонье и Поволжье (37, с. 143), так и в западном направлении - через Крым (33, с. 75, рис. 4).

На рубеже I-II вв. в евразийских степях начинает формироваться позднесарматская культура. К этому времени относится запустение либо сильное сокращение застройки позднескифских поселений в Северо-Западном и Центральном

Крыму (38, с. 167-169). Эти события совпадают с победой Савромата I над скифами (22, № 32).

Активность боспорского царя была вызвана усилением давления Рима в последние годы правления Домициана (21, с. 60-64). В военных операциях принимали участие и военные контингенты сарматов, что подтверждает близкие по времени погребения аланских воинов на Неаполе и в его округе (39, с. 170; 40, с. 63-73; 41). Возможно, именно эти столкновения изображены в батальных сценах росписей керченских склепов (43, с. 420-421). Постоянный приток сарматов привел к глубоким изменениям в культуре Боспора первых веков н. э. (43, с. 321, 339-346, 394-430).

С рубежа I-II вв. возрастает количество погребений с сарматскими чертами обряда в могильниках Юго-Западного Крыма и Неаполя Скифского (42, с. 98-100; 17, с. 36).

Возможно, этим же временем датируются наиболее ранние вырубные склепы Неаполя - №№ 1 и 9, содержащие настенную роспись. Распространение в Крыму вырубленных в скале погребальных сооружений, скорее всего, связано с новой волной малоазийских греческих переселенцев. На Боспоре и в Херсонесе вырубные склепы появляются в позднеэллинистическую эпоху, а увеличение их количества отмечается с рубежа н. э. Очевидно, сама идея высечения в скале могил была воспринята скифо-сарматским населением из античных центров. Параллельно шел процесс переосмысления архитектурного оформления и внутреннего убранства склепов. Наличие росписи на стенах, барельефов, каменной пластики, небольших ниш, обрамления дромосов, ступеньки, ведущей в камеру, и др. позволяет вновь поднять вопрос об античном влиянии на формирование данного типа погребальных сооружений.

В конце первой половины II в. н. э. вновь возросла скифо-сарматская активность в регионе, что привело к "ольвийско-тавроскифской" войне (SHA, Ant. Pius, 9), заставило Херсонес искать союза с боспорским царем Реметалком (IOSPE, 12, 359, 423; 44, с. 127-134; 35, с. 25-28, прим. 14) добиваться у Рима элевтерии (IOSPE, 12, 359, 362, 363). В такой ситуации римляне были вынуждены ввести войска в Юго-Западную Таврику и обеспечить охрану важнейших стратегических пунктов и коммуникаций. Не исключено, что одному из боспорских царей была поручена акция по подавлению скифо-сарматской активности, для чего был предпринят поход в глубь Крымской Скифии. Подтверждением данного предположения может служить заклад главных городских ворот Неаполя, запустение территории городища. В "доме с фресками", утратившем свое функциональное назначение, поверх росписей, выполненных в традициях боспорских декорировок, наносятся многочисленные граффити, представлявшие собой жанровые сценки, сарматские знаки, изображения животных. Среди них есть "картина" взятия города с помощью осадных машин (45, с. 173-194). Сарматские знаки, помимо Боспора, известны во II-III вв. н. э. и в других районах Крыма, затронутых новыми волнами кочевников (Неаполь, Битакский могильник, ГРЭС, Нейзац, Ак-Кая, Кермен-Кыр, Заветное, Тарпанчи, Херсонес).

Ко времени правления Савромата II относится танаидская надпись 193 г. н. э., повествующая о победе над сирахами (сираками?) и скифами, присоединении Таврики по договору (22, № 1237). В этой войне, как считает В. М. Зубарь, могли участвовать и солдаты 1 Итальянского легиона (46, с. 125). Есть, однако, мнение, что в указанном документе описаны события, происшедшие при жизни или с участием отца дедиканта, т. е. на 40-60 лет раньше, чем датируется сама надпись

(37, с. 144-145). Сообщение о сираках в конце II в. н. э., да еще и в контексте со скифами действительно выглядит анахронизмом. Но все становится объяснимо, если признать миграцию этих племен в западном направлении - в предгорный Крым, что привело к формированию скифо-сарматского союза.

Археологические материалы памятников Центрального Крыма свидетельствуют о включении этой территории в сферу политического и экономического влияния Боспора. В последние десятилетия II - первые десятилетия III в. н. э. происходит экономический подъем, возрастает производство зерна (возникают большие зернохранилища). Получает дальнейшее развитие садоводство и виноградарство. Инвентарь погребений свидетельствует об увеличении импортных изделий: краснолаковой и стеклянной посуды, украшений из бронзы, поделочных камней, стекла. Среди керамической тары преобладающими типами становятся амфоры боспорского и южнопонтийского производства. Надо полагать, что в освоении новых земель Боспором принимали участие, прежде всего, военные поселенцы - выходцы из различных сарматских племен. По речным долинам Юго-Западного и Центрального Крыма они проникают далеко в горы, где возникает ряд поселений, могильников, пещерных некрополей и др.

В отличие от Центрального Крыма, в Юго-Западном сильнее ощущается политическое влияние Рима и Херсонеса; здесь во II-III вв. сформировался новый экономический район (46, с. 125-126; 47, с. 80-89). Начиная со II в. н. э. в некрополе Херсонеса известны сарматские погребения, предметы сарматской культуры и обрядности (48, с. 31, 39-41, 44-45).

В конце первой четверти III в. н. э. в предгорном Крыму вновь возникает военная опасность, о чем свидетельствуют монетные клады на Неаполе и в округе (49, с. 64, 65, 68). В это же время римляне покидают пост на Алма-Кермене (42, с. 58, 62). Не исключено, что эти события связаны с вторжением новой волны позднесарматских племен.

Интересно, что началом III в. н. э. датируется грунтовый склеп 1949 г. на некрополе Неаполя, воспроизводящий форму и отделку поздней группы скальных сооружений (50, с. 135). Эти погребальные комплексы явились начальным звеном в формировании сакральной архитектуры сармато-аланских могильников Крыма второй половины III-IV вв. н. э. (Инкерманский, Чернореченский, Озерное III, Нейзац, Красный Мак, Дружное, Перевальное) (51, с. 65-66).

В середине III в. н. э. (251-254 гг.) многие памятники Крыма пострадали в результате вторжения на полуостров разноэтничных племен готского союза, среди которых было немало алан. С разгромом поселений связаны закрытые комплексы на Неаполе, в Добром, Джалмане, Кермен-Кыре, Кизил-Кобе и др.

Кратко суммируя вышесказанное, необходимо отметить, что сарматское проникновение в Крым происходило волнообразно. На первом этапе она было связано с продвижением носителей раннесарматской культуры на запад (конец II - начало I вв. до н. э.). Второй этап характеризуется внутренней и внешней политикой Асандра в третьей четверти I в. до н. э. Третья волна сарматов проникла в Крым в результате римско-боспорской войны и выхода на политическую арену аланских племен (вторая половина I - начало II в. н. э.). Четвертый этап связан с освоением Боспором завоеванных территорий Таврики и передвижением позднесарматских племен в конце II - начале III в. н. э. Пятый этап (середина III в. н. э. - третья четверть IV в. н. э.) отражает проникновение сармато-алан в Горный Крым и на Южный берег в составе готского племенного союза (51, с. 65, 66).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щеглов А. Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988.
2. Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
3. Масленников О. О. Историко-географічне районування Східного Криму в античну епоху // Археологія. 1989. № 4.
4. Максименко В. Е. К вопросу о времени установления политического господства сарматов в Северном Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986.
5. Полін С. В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45.
6. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
7. Полін С. В. Гатал - царь сарматский // Тез. докл. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". Запорожье, 1989.
8. Зайцев Ю. П. До питання про грецьке населення Неаполя Скіфського // Археологія. 1990. № 1.
9. Колобова К. Н. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3.
10. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
11. Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3.
12. Симоненко А. В. Сарматские памятники Таврии // Тез. докл. конф. "Проблемы археологии Северного Причерноморья". Ч. II. Херсон, 1990.
13. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. - I в. н. э. // АСГЭ. Вып. 16.
14. Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1.
15. Масленников А. А. Население боспорского государства в VI-II вв. до н. э. М., 1981.
16. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983.
17. Пуздровский О. С. Сарматы в Неаполи Скіфському // Археологія. 1989. № 3.
18. Пуздровский А. Е. К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя Скифского // Тез. докл. конф. "Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса". Севастополь, 1988.
19. Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96.
20. Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.
21. Толстиков В. П. Фанталівський укріплений район в історії Боспорського царства // Археологія. 1989. № 1.
22. Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
23. Колтухов С. Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 1.
24. Сапрыкин С. Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2.
25. Яйленко В. П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990.

26. Г о л е н к о К. В., Ш е л о в Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1966 гг. // НС. 1963. Вып. 1.
27. Ц в е т а е в а Г. А. Кирпичи с тамгой из Горгиипии // КСИА. 1975. Вып. 143.
28. О н а й к о Н. А., Д м и т р и е в А. В. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. Вып. 168.
29. Я ц е н к о И. В. Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962.
30. А н о х и н В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
31. С к р и п к и н А. С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
32. Щ е п и н с ь к и й А. О. Скарби сарматської знаті // Вісн. АН УРСР. 1977. № 10.
33. Щ у к и н М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1.
34. Г р и н е в и ч К. Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2.
35. К а д е е в В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.
36. К н а б е Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981.
37. Ш е в ч е н к о Н. Ф. Сарматы в Восточном Приазовье (I в. до н. э. - II в. н. э.) // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989.
38. Х р а п у н о в И. Н. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. 1.
39. К а р а с е в А. Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИА. 1951. Вып. 37.
40. О р л о в К. К., С к о р и й С. А. Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в Центральному Криму // Археологія. 1989. № 2.
41. П у з д р о в с к и й А. Е., З а й ц е в Ю.П., Н о в и к о в И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского (в печати).
42. В ы с о т с к а я Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
43. Г а й д у к е в и ч В. Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949.
44. Г р а к о в Б. Н., В и н о г р а д о в Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3.
45. Д а ш е в с к а я О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1962. № 1.
46. З у б а р В. М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврії // Археологія. 1991. № 1.
47. К а д е е в В. И., С о р о ч а н С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья. Харьков, 1989.
48. З у б а р ь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев, 1982.
49. К р о п о т к и н В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Д4-4. 1961.
50. Д а ш е в с к а я О. Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ. 1951. № 2.
51. А й б а б и н А. И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. 1.

A. E. PUZDROVSKI
ON SARMATIAN IN THE CRIMEA

Summary

Tribes of nomads from Euro-Asian steppes in the last centuries B. C. - the centuries AD are known in the Northern Black Sea Coast under different names (iazysi, roksolani, aorsi, syraki, alani). After ancient authors they got a generalized name - Sarmatian. The first evidence about Sarmatian presence in the Crimea is associated with the signing of the Treaty of Pontus states in 179 B.C. and with the narration of Polien (VIII, 56) about Amaga. Chersonesos Decree in the honour of Diophantus (IOSPE, 1², 352) and Strabo (VII, 3, 17) name the allies of Crimean Scythians - roksolani, who as satarhi (MeIa, II, 2-4; IOSPE, 1², 672), came probably from Caspian steppes. From the end of the second - the beginning of the 1st cent. B.C. a new wave of nomadic population is fixed in late-Scythian cemeteries. In the mid - 1st - the beginning of the 2nd cent. A.D. aorsi and early alans came to the Crimea, migration of siraki is probable. Bosphoros kings used different Sarmatian groups in their struggle against Crimean Scythians in the 1st-3d cent. A.D. In the end of the 2nd - the beginning of the 3d cent. A.D. Scythian-Sarmatian culture came into being in the South-Western and Central Crimea. In the mid - third quarter of the 3 d cent. A.D. the population of these regions suffered damage as a result of Goth-Alan raids. In the end of the 3d - 4th cent. A.D. its part was included into the new union of tribes.